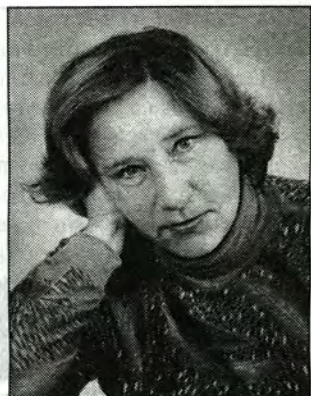

БОРЗУНОВА Светлана Аркадьевна

Родилась 20 ноября 1951 года в Томске. Окончила Томский университет, филологический факультет. Работала журналистом. Участница VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1984). В 1986 г. переехала в Благовещенск. Сотрудничала в газете «Амурский комсомолец», пресс-центре облсовпрофа, была заместителем главного редактора газеты «Амурская правда», последние годы работала в амурском приложении к газете «Комсомольская правда». Член Союза писателей России с 1994 года, поэтесса. Автор пяти книг стихотворений. Лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихотворений «Пока еще люблю».

Умерла 1 декабря 2006 года. Похоронена в Благовещенске.

«Все было. Все осталось в стихах...»

Послесловие к сборнику стихов «Ты — моя судьба», 2001 г.

Я никогда не умела рассказывать о себе. Строки казенной автобиографии сухи и невыразительны. Жизнь души выражена в стихах. Все же попробую.

Родилась я в Томске. В девять месяцев мама отвезла меня к бабушке в Бийск, и там, на Алтае, на берегу горной реки Бии, прошло мое детство и я начала осознавать себя как личность, ощутила безнадежную и хрупкую красоту мира. Мы жили на самом берегу, и вечерами я бегала на реку любоваться закатом.

В семье было принято читать вслух. До сих пор помню чувство сладкого ужаса, охватывающего меня, когда читали «Страшную месть» Гоголя. Бабушка читала мне то, что интересно самой: романы Гюго, Мельникова-Печерского, «Угрюм-реку». Любимой книгой были сказы Бажова — мне постоянно напоминали: это про дедушкину родину. На стене висела картина самодеятельного художника «Река Чусовая». Искусство и реальность переплетались в моей ре-

бячей душе. Легендой было и Телецкое озеро, и Чуйский тракт — места для ребенка недоступные и волшебные. Но Чуйский тракт начинался в квартале от нашего дома, по нему шли тяжелые машины, груженные зерном, и стада мохнатых быков-сарлыков из Монголии. Он был рядом, и он был в песне — одновременно. «Есть по Чуйскому тракту дорога...» Шоферы на тракте разбивались так же, как в песне. И их везли хоронить по тому же тракту на машинах, жутко и тревожно гудящих. На могилах устанавливали руль.

Электричества у нас еще не было, и перед тем как зажечь керосиновую лампу, садились «сумерничать». Тут звучали и страшные истории про мертвецов, и поэтическая легенда о любви Бия (в легенде он был мужчиной) и Катюни, и совсем-совсем полупешепотом — рассказы о годах культа и «черном вороне», по ночам увозившем людей в никуда. История семьи тоже складывалась из неких историй-мифов о том, как дедушка в годы революции охранял Ленина (тут же шепотом — никому не говори! — пелась частушка: «Сталин, Троцкий, дай огня, нету спичек у меня...»), о том, как в Отечественную бабушка спасала мою маму от тифа, как моя тетя беременная чуть не попала на фронт, потому что стеснялась признаться, что ждет ребенка, как двоюродный дядя охранял зеков на Колыме, о том, что мой отец был «сыном врага народа», о том, как мою бабушку выдавали замуж. Множество удивительных и, как я теперь понимаю, опозитизированных историй рассказывала моя любимая бабушка Антонина Андреевна Новикова. Половина из них были окутаны покровом тайны (никому не рассказывай!) и оттого становились особенно волшебными.

Поэзия и действительность существовали в одной плоскости, и потому, когда во втором классе учительница поручила нам написать стихи про осень, я нисколько не затруднилась и смело взялась сочинять. Не так это оказалось просто. Слова не вмещались в размер, рифмы не слушались. Однако два четверостишия — одно хореем, другое анапестом — я написала. Запомнилась из них одна строчка: «Речка наша тише потекла» — итог длительных созерцаний закатов на берегу, врезавшийся в детское сознание факт — перед ледоставом тяжелая густая вода в самом деле замедляет бег.

Когда мне было девять лет, мама, Тамара Порфирьевна Новикова, работавшая вузовским преподавателем химии, наконец получила квартиру и забрала меня к себе в Томск. Меня устроили в спецшколу с преподаванием предметов на немецком языке, и беззаботное детство кончилось. Я стала одна и сама. Школе я очень благодарна за отличное изучение немецкой литературы и милые традиции, сохранившиеся еще от старой гимназии, за эти поразительные и жуткие экспонаты в банке в кабинете биологии и неуловимый аромат старины, сохранившийся в старых стенах. Здесь впервые обратили внимание на мои литературные способности и сулили, что я вырасту «второй Инной Гофф» (ленинградская писательница, некогда учившаяся в нашей школе и служившая предметом неиссякаемой гордости). Я сочиняла юмористические стихи для школьной стенгазеты и рисовала карикатуры. Стихи получались лучше. Стенгазета в дальнейшем определила выбор мною профессии журналиста. А стихи мои милейший преподаватель немецкой истории Фридрих Морицевич Мет отнес в

областную молодежную газету и принес одобрительный отзыв с ремаркой «подражание Асадову». Асадов мне тогда, в связи с моим юношеским максимализмом, активно не нравился, и я сочла это оскорбительным. Я не хотела быть ни второй Инной Гофф, ни подражательницей Асадову, я хотела быть собой. Хотя вряд ли это вполне осознавала. Стихов я тогда читала много и понимала, что у меня получается не так. Ни с кем не советуясь, почти инстинктивно работала над техникой, добываясь, чтобы самая глубокая мысль вмещалась в 12 строк. Потом этот отработанный до автоматизма навык скорее мешал, чем помогал, но емкости и краткости я научилась.

На филфаке Томского университета я получила возможность заниматься тем, что мне нравится. Подумать только — чтение книг может быть заданием. Ведь это же наслаждение! В моем распоряжении были многомиллионные фонды университетской «науки» — лучшей библиотеки Сибири, где в отделе редких книг хранилась библиотека Жуковского, книги с автографами Пушкина и множество уникальных фолиантов. Их нельзя было трогать, но уже смотреть на них было счастьем. Был в библиографическом отделе и «закрытый фонд», книги из которого выдавались только с письменного разрешения ректора. Я попыталась как-то получить оттуда Фрейда, которого мы изучали по курсу психологии, но получила отказ. Советской студентке читать такую литературу не полагалось. На моих глазах из открытых фондов в закрытые исчез белый томик Ахматовой, изданный в годы войны в Ташкенте. Я как раз работала над курсовой «Лирика Ахматовой в годы войны», и эта пропажа чуть не стоила мне удачной защиты. Время было невнятное, начало семидесятых. Культ личности осуждался, но как-то полупешепотом, лучше вообще было обходить эти темы. Запрещенные писатели — Бабель, Пастернак, Мандельштам — были как бы уже разрешены, но интерес к ним не поощрялся. Наши университетские педагоги изощрялись как могли, чтобы включить их произведения в план наших курсовых и дипломных, чтобы мы росли и мужали на примерах настоящей литературы, а не на той «секретарской литературе», которая тоннами выпускалась государственными издательствами.

«Самиздат» был широко распространен и активно преследовался. За распространение романов Солженицына загремели на три года на лесоповал три студента нашего факультета. Они вернулись и восстановились на наш курс, угрюмые, повзрослевшие, малоразговорчивые. Один из них сразу хмуро предупредил: при мне лишнего не болтайте, я теперь сексот. Никого из наших он не заложил. Но факты вокруг нас имели место. И было это как правила некоей всеобщей игры с огнем. Извернись и напиши между строк так, чтобы поняли и не схватили.

Очагом демократии в вечно оппозиционном властям университете была многотиражная газета «За советскую науку», куда я пришла в начале первого курса. При газете существовала общественная редакция, в которой по зову сердца работали вместе преподаватели и студенты на равных. На еженедельных летучках студент мог покритиковать неудачную статью профессора, и тот спокойно воспринимал это, ибо цель была общей — сделать хорошую газету. Там царил атмосфера всеобщей любви и товарищества. Мы сбегали с лекций, что-

бы срочно заткнуть «дырку» в полосе, и нам не попадало за это от строгих наставников. Душой всего этого братства была Галина Александровна Чалдышева, светлейший человек, научивший меня в журналистике быть честной и отвечать за каждое слово, досконально проверять факты.

Была еще и спелеосекция — не только спорт, а уроки студенческого братства, густо приправленные романтизмом. Был расцвет бардовской песни, в Томск приезжали Кукин и Никитины, Городничкий и Визбор. Высоцкого обком партии в город не пустил. Потрясением были гастроли «Ленкома» — уже с Захаровым. В студенческом киноклубе показывали тайком картины, положенные Госкино на полку. Культурная жизнь цвела и давала тайные ростки. И возникали литературные объединения, в которых юные дарования сталкивались в интеллектуальных спорах, высекая искру поэзии.

Все дальнейшее уже менее интересно. Работа, семья, рождение детей, ступени поэтического и профессионального роста. Выросли сыновья — Григорий и Максим, появились две невестки — две Оли, родилась внучка Настя. Это все — уже в Приамурье. В 1986 году я переехала с мужем в Благовещенск, работала в «Амурском комсомольце», «Амурской правде», теперь вот в «Комсомольской правде» в Приамурье. Выходили книги — большая подборка «Нелетная погода» в сборнике «Радуга», «Яблоки райского сада», «Пока еще люблю», буклет «Там, где Зeya с Амуром слились меж собой», подготовленный вместе с художником Николаем Савченко. Очень плодотворным было сотрудничество с Сергеем Зражевским, написавшим много песен на мои стихи, с которым мы какое-то время совместно вели занятия Клуба творческой интеллигенции, пытаюсь противостоять неумолимой практичности времени. Были годы вынужденного молчания, когда неизданные стихи комом вставали в горле и умирали от невостребованности. Была жизнь, и была смерть друзей. Все было. Все осталось в стихах. Для того, чтобы издать все написанное, не найти никаких средств.

Я безмерно благодарна издателям газеты «Дважды два» Николаю и Елене Семашко, редактору «Комсомолки» в Приамурье» Татьяне Судаковой и всем, кто помог мне в работе над этой книгой. Это подарок, который не оценишь никакими словами. Просто молча кланяюсь.

Светлана Борзунова

Книги С. Борзуновой

Нелетная погода : стихи / С.А. Борзунова. – Хабаровск, 1987.

Пока еще люблю : лирика / С.А. Борзунова. – Благовещенск, 1997. – 120 с.

Там, где Зeya с Амуром слились меж собой : стихи и рисунки в буклете / С. Борзунова, Н. Савченко. – Москва, 1997.

Ты – моя судьба : избранное из неизбранного: стихи / С.А. Борзунова. – Благовещенск, 2001. – 159 с.: ил.

Яблоки райского сада : лирика / С. А. Борзунова. – Благовещенск, 1991. – 69 с.: ил.